

ДЖИГЕТСКИЕ КНЯЗЬЯ ГЕЧЬ В XX ВЕКЕ

После присоединения Абхазии к России в 1810 г. царским правительством разработан план прокладки дорог и строительства укреплений по береговой линии от Анапы до Поти, который предполагал прочное занятие берега Абхазского княжества от реки Ингура до реки Гагр, в дальнейшем □ продвижение к крепости Анапа.¹

По мере проложения Черноморской береговой линии от укрепления Гагры до Анапы (30-е гг. XIX в.) активизируются военные действия против населения Западного Кавказа — убыхов, шапсугов, натухайцев, **джигетов** (садзов) и других этнических народов региона.

По Адрианопольскому мирному договору 1829 г. между Россией и Турцией все кавказское побережье Черного моря от устья реки Кубани до северной границы Аджарии и крепостей Ахалкалаки и Ахалцих с прилежащими районами перешли к России. Территория, лежащая между крепостями Поти и Анапой, имела для России важное значение как в торговом, так и в военном отношении. Для прочного утверждения в этом регионе требовалось проложение сухопутного сообщения между крепостями, строительство промежуточных укреплений и организация поселений. Представители царской администрации на Кавказе предполагали стремительно и в короткий срок покорить горские народы.

Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-фельдмаршал И.Ф.Паскевич в специальном письме императору Николаю 1 (8 мая 1830 г.) предложил план военных действий, включавший оценку местного населения как серьезного противника: "предпринимая покорение народов, не знающих нас, можно еще надеяться успеха, их можно устроить и привести в изумление неожиданной новостью, превосходством войск, оружием, и даже с пользой употребить политику, деньги, подарки. Поэтому я желал бы, чтобы горцы вовсе нас не знали, и чтобы прибытие русских для их поощрения было еще в первый раз, но уже более 50-ти лет как они имеют дело с нами и, к сожалению, были случаи, которые достаточны поселить в них мнение не в пользу нашу<...>. Нет сомнения, что мелкие владельцы скорее могут быть покорены видами личных своих выгод, но покорение вольных племен, ни от какой власти не зависимых, представляет более трудностей."²

По предложенному в 1832 г. И.Ф.Паскевичем и одобренному Николаем 1 плану строительства нескольких укреплений от Кубани до Геленджика (Геленджикская кардонная линия) предполагалось, что будут направлены около 10 малых отрядов из разных пунктов этой линии одновременно на Запад с тем, чтобы «гнать перед собой горцев к Анапе и морю и тем им угрожать истреблением, если не покорятся», после чего «прорезать Кавказ другой линией, параллельно первой, но уже к Востоку и так до верхней Кубани».

Непосредственный участник войны против горцев ген. Г.И.Филипсон так отозвался на план Паскевича: «Едва ли можно выдумать что-нибудь нелепое и показывающее совершенное незнание края и неприятеля, не говоря уже о том, что едва ли кто в наше время отважится вообще предполагать кордонную систему войны в таком педантичном, безусловном виде. Однако ж проект Паскевича был принят за чистое золото в Петербурге, где незнание Кавказа доходило до смешного».³

Активные военные действия, направленные против горцев приводили к разрушению, уничтожению жилищ, налаженного хозяйства, гибели людей целыми аулами, пленению. Горские общества с оружием в руках боролись за свою независимость, но силы были неравными. Хорошо вооруженные и организованные отряды русской армии покоряли жителей разрозненных аулов, которые не имели единого предводителя. Отдельные набеги

горцев на русские укрепления и посты только вызвали дополнительные военные экспедиции против них.

16 июля 1840 г. начальник Черноморской береговой линии Н. Н. Раевский писал военному министру А.И.Чернышеву, что земля джигетов делится на 2 части: горную (Псху, Аибга и Ахчипсой) и береговую (Цвиджа, Бага, Ареда, Цандрипш, Гечь). Тесные связи родства соединяет их с Абхазией. Как следует из письма Раевского, он, пользуясь этим обстоятельством и влиянием владельца Абхазии, больше общается с береговыми джигетами, которые «готовы к покорности, но опасаются убыхов и ахчипсу», которые грозили им разорением за мирные отношения с русскими.⁴

Начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирал Л.М. Серебряков отмечал в рапорте начальнику Черноморской береговой линии Н.Н. Раевскому 31 января 1841 г., что «горцы приобретают более и более смелости, опытности, единодушия, с появлением наших у них возникал дух народности, небывалое согласие, понятий общих усилий. Война с нами прекратила их раздоры, союз их с каждым днем становится все теснее, и если не предупредим их покорением, то нельзя ручаться, чтобы не появился человек с диким гением и с сильным характером, который воспламеняет всегда тлеющие в сердцах азиатцев страсти фантастические и, став на челе народа, выступит с ними за его разбойническую независимость в борьбу правильную, упорную и кровопролитную».⁵

Действительно, среди народов Западного Кавказа практически не было такого предводителя, кроме убыхского князя Хаджи Берзека, который имел влияние на значительную часть населения прибрежной полосы.

Тем временем, не без помощи владельца Абхазии Михаила Шервашидзе джигетские и хамышевские князья и дворяне изъявили желание принести присягу на верноподданство России. Как следует из рапорта исправляющего должность начальника Черноморской береговой линии г.-м. И. Р. Анрепа командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу Г. А. Головину от 6 мая 1841 г. хамышевцы, проживавшие между укреплениями Св. Духа и Навагинским, стали проявлять враждебное отношение к России, «подобно всем своим соседям джигетам и убыхам». М. Шервашидзе, совершая неоднократные набеги с ведома и согласия «местного начальства» на прибрежные и враждебные к России селения, заставил некоторых джигетов «изъявить склонность к покорности». Так, весной 1841 г. часть хамышевцев (250 дворов) одними из первых от джигетов приняли присягу на верность российскому императору. В знак покорности М.Шервашидзе взял в аманаты сына «главнейшего» из князей Зураба Хамышева.⁶

Среди джигетских жителей, давших клятвенное обещание в знак покорности России 25 апреля 1841 г., значились князь Зураб Хамыш и Гасан (Хасан) Гечь, а также дворяне и авторитетные крестьяне.⁷

Владелец Абхазии М.Шервашидзе был также посредником на переговорах между значительной частью джигетов и убыхов, под предводительством Хаджи Берзека и военными чиновниками, проходивших в укреплении Св. Духа 9 мая 1841 г. В процессе переговоров появилась угроза высадки морского десанта, о чем не скрывал начальник 3-го отделения Черноморской береговой линии полковник Н. Н. Муравьев. В результате переговоров приморские джигетские общества (Цандрипш, Геч, Аредба), составлявшие 2500 дворов, единодушно согласились покориться. Тогда же к ним присоединился и убыхский князь Аубла Ахмет, владения которого простирались между реками Мыцо, Саче и Псаха и составляли 700 дворов.⁸

12 мая 1841 г. Аубла Ахмет первым принес торжественную присягу за себя и за всех своих подвластных дворян и крестьян «на вечное подданство государю императору» и обязался выдать трех аманатов, среди которых был его сын. За Ахметом последовали все джигетские знатные люди приморских обществ Цандрипша, Геча и Аредба.

Присягу совершили на коране в присутствии большого числа людей. Каждое из этих обществ обязалось выдать по три аманата из числа малолетних детей главнейших князей и дворян.⁹

25 мая 1841 г. исправляющий должность начальника Черноморской береговой линии г.- м. И. Р. Анреп отмечал, что «теперь все приморские джигеты и часть убыхов присягнули на вечные времена на подданство его императорскому величеству и выдали аманатов».¹⁰

Между тем, часть убыхов, не принесших присягу покорности России, арестовала князей Аубла Ахмета, Зураба Хамышева и ряд других людей, принимавших участие в переговорах с представителями России в укреплении Св. Духа. Среди них были Хаджи Берзек и его племянники Керентух и Мурад. Аубла Ахмета и Зураба Хамышева заставили отречься от принесенной им присяги, после чего они были отпущены. Задержание Хаджи Берзека длилось недолго. По освобождении он призвал на «сбор всех убыхов» и выступление против покоровшихся джигетов. Командование Черноморской береговой линии сочло арест Берзека актом притворства, тем более, что он вскоре был освобожден и тотчас же начал настраивать убыхов против соседей джигетов. На их защиту немедленно из укрепления Гагры выдвинулся отряд начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии Н.Н.Муравьева, который в свою очередь, приказал джигетским князьям «собраться поголовно для защиты своих жилищ». 22 мая 1841 г. в 6 часов вечера отряд достиг укрепления Св. Духа и расположился вокруг него лагерем. Генерал И. Р. Анреп отмечал, что «движение отряда по земле было торжественным шествием. Князья и старшины различных обществ встречали его на пути с величайшей радостью».¹¹

За усердие и услуги, оказанные правительству, покоровшиеся убыхские и джигетские князья и дворяне были произведены в офицерские чины. И, по мнению И.Р.Анрепа, «пожалованное им офицерское достоинство будет напоминать им обязанности их относительно к русскому правительству», им также были назначены денежные пенсии, что обязывало их являться на службу по требованию «местного начальства» вместе со своими подданными.¹²

В конце 1841 г. под воздействием волнений в Гурии, резко изменилось настроение народов Западного Кавказа. Началась новая волна освободительного движения против колонизации края. Воспользовавшись тем, что войска были переброшены на Восток, Цвиджа и другие горные общества переменили тон и уже не говорили о покорности, убыхи воспряли духом, прекратили переговоры и стали оказывать сопротивление. Они принялись за сооружение завалов на дороге, ведущей к ним, и «приведение своих аулов в укрепленное состояние».

В то же время в кругах военной администрации на Кавказе дискутировался вопрос о целесообразности принятия присяги на верноподданство России отдельными горскими племенами. Так, на примере шапсугского племени Ачмез, принявшего присягу, г.-м. Анреп в январе 1842 г. отмечал, что «частые покорения» горцев могли бы быть полезными в том только случае, если между покоровшимися можно было устроить какое-либо русское управление, или часть, принявшая покорность, была сильнее остальной. Если все-таки принимать покорность, в частном порядке у отдельных племен, то желательно брать не одного аманата, а намного больше и «не позволять горцам делать при покорении какие-либо условия, имеющие вид трактата, заключенного равными властями».¹³

Сложную ситуацию в регионе создавали и эмиссары Турции, которые призывали горцев сопротивляться России, пытались создать постоянное ополчение из представителей народов Западного Кавказа, готовых к организованным выступлениям против российских войск, но эта попытка не увенчалась успехом.

Весной 1844 г. нагорные джигеты вместе с частью шапсугов приняли присягу на верность России.¹⁴

В 1860-1861 гг., когда в высокогорное общество Псху поднимались военные отряды, не только в рядах сочувствующих, но и на стороне сопротивлявшихся псхувцев были убыхи, джигеты, которые считались «непокорными племенами». ¹⁵

Горцы прилагали все усилия, но изменить задуманного царизмом планомерного «покорения» народов Кавказа, они были не в силах. Генералы русской армии продолжали разрабатывать новые меры воздействия на еще не покорившихся горцев. К лету 1864 г. был покорен почти весь Западный Кавказ. Для окончательного усмирения населения отдельных аулов и обществ Псху и Ахчипсу был направлен в начале мая 1864 г. отряд, на пути следования которого были жители Джигетского общества, изъявившие готовность к выселению. ¹⁶

21 мая 1864 г. отряды, принимавшие участие в покорение горцев, отслужили в урочище Гбаада «благодарственное господу богу молебствие за окончание кавказской войны».

Для горцев наступил очередной массовый исход с родной земли.

Горцы, уходя со своих мест проживания, оставили все свое имущество и запасы хлеба, а иногда и не убранные поля. Все это досталось поселившимся в их землях казакам. Горцы без всякого имущества скапливались в Анапе, Новороссийске и во многих других местах северо-восточного берега Черного моря. Отсюда их перевозили в Турцию турецкие кочермы, а также арендованные специально для этой цели русским правительством суда. Но так как «всего этого транспортного флота было крайне недостаточно для перевозки почти полумиллиона человек, то массе горцев пришлось ждать своей очереди по полугоду, году и более, находясь все это время на берегу моря, под открытым небом, без всяких средств к существованию. Они буквально тысячами умирали с голоду. Зимой к этому присоединился холод. Весь северо-восточный берег Черного моря был завален трупами и умирающими горцами, между которыми перемещалась масса живых, но до крайности ослабевших и тщетно ожидавших отправки в Турцию». ¹⁷

Из приказа военного министра от 13 августа 1841 г. следует, что государь император, в награду за услуги, оказанные при сухопутном движении отряда русского из Гагр в укрепление Св. Духа, произвел **джигетских князей Гечь Аптхуа Мисоуста**, Ходжетли Арзахан-ипа Цамбаева, Джамлет Хипат-ипа Цамбаева и Созран Мамсыр-ипа Цамбаева в прапорщики. (РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6435. Л.77).

В представлении к награждению означенных лиц указано: «За особенное усердие в пользу русского правительства, при изъявлении покорности джигетскими обществами и заслуги, оказанные при движении отряда сухим путем из Гагр в укрепление Св. Духа в мае сего года (1841 г.) под командой полковника Муравьева». (РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6435. Л.71).

В именном списке убыхских и джигетских князей и дворян, получивших деньги и подарки при принесении присяги на вечное подданство государю императору в мае 1841 г., значились князья «общества Гечьба»: Гечь Едыр-бей – подарок, Гечь Гассан – подарок, Гечь Аптхуа Аслан-бей – 40 рублей серебром, Гечь Аптхуа Мисоуст – подарок и 20 рублей серебром, Гечь Аслам-бей – подарок, Гечь Мустабе-ипа Сосран – 40 рублей серебром, Гечь Сала-бей – подарок, Гечь Решид – подарок, Гечь Тегир-бей – 40 рублей серебром, Гечь Багыркан-ипа Аптхуа Ислам - подарок, Гечь Чхо-ипа Пшмаф – подарок. (РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6435. Л. 17-18 об.).

Высочайшим приказом от 13 июня 1841 г. «в награду за усердия и услуг, оказанных правительству произведены» джигетские князья в подпоручики: Аридбаев Сосран и Цан Омар; в прапорщики: **Гечь Аптхуа Асланбей**, Гечь Едырбей, Гечь Гасан, Цан Батыршах, Цан Якуб, Учан-ипа Мисоуст, Учан-ипа Бесан, Состан Газа Анчибадзе, Лазу Анчибадзе и дворянин Дишанух Аринба. (РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6435. Л.49).

Высочайшим приказом 18 февраля 1842 г. джигетские князья произведены в следующие чины: прапорщик **Гечь Аптхуа Асланбей** - в поручики с назначением состоять по армии при Отдельном Кавказском корпусе и производством жалованья по чину (461 руб. серебром в год), прапорщик Пата Аридбаев - в подпоручики и Омар Аридбаев – в прапорщики с жалованием каждому по 100 руб. серебром в год. (РГВИА. Ф.395. Оп.148. Св.93. 1842 г. Д.29. Л.1-1 об., 5, 7-7 об.).

-
1. РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6234. Л.60-60 об.
 2. Там же. Л.82-82 об.
 3. Воспоминания Г. Филипсона//Русский архив. М.,1883. Кн.3. С.192-193.
 4. РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6411. Л.14-14 об.
 5. Там же. Ф.846. Оп.16. Д.6392. Л. 91.
 6. Там же. Ф.846. Оп.16. Д.6435. Л. 2-3 об.
 7. Там же. Ф.846. Оп.16. Д.6435. Л. 5-6 об.
 8. Там же. Ф.846. Оп.16. Д.6435. Л. 12-12 об.
 9. Там же. Ф.846. Оп.16. Д.6435. Л. 13 об.
 10. Там же. Ф.846. Оп.16. Д.6435. Л. 8.
 11. Там же. Ф.846. Оп.16. Д.6435. Л. 32-34.
 12. Там же. Ф.846. Оп.16. Д.6435. Л. 53об.
 13. Там же. Ф.846. Оп.16. Д.6467. Л. 7-9.
 14. Там же. Ф.846. Оп.16. Д.6542. Л. 2.
 15. Там же. Ф.38. Оп.7. Д.389. Л. 51-62 об.
 16. Там же. Ф.400. Оп.1. Д.206 об.-207.
 17. Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С.7.